

— Да, давай после этого будем жить на задней горе.

— Хорошо! На задней горе есть и другие, похожие на меня! Люди точно не посмеют туда соваться.

— Вот и славно, Ибараки — самый лучший.

20. Желание

Они направились к горе. Солнце уже почти скрылось за горизонтом, и окружающие деревья казались призрачными, отчего вокруг стало как-то не по себе.

Ибараки крепко сжимал руку Чу Чжоу. Еще мгновение назад он был готов в отчаянии перебить всех людей, но сейчас на душе стало удивительно легко.

— Брат, — весело произнес он, — на вершине есть заброшенный храм, мы сможем жить там.

Чу Чжоу, видя, что Ибараки больше не грустит, почувствовал облегчение и вскользя спросил:

— О? Откуда ты знаешь?

— ... — Ибараки запнулся и, на удивление, замялся. — Э-э... ну, пока тебя, брат, не было, я заходил сюда повидаться с местными духами. Ты... ты не сердишься?

Чу Чжоу, конечно, не сердился. Он лишь с легкой грустью подумал: Ты повзрослел. Раньше он беспокоился, что Ибараки ни с кем не общается и слишком сильно зависит от него. Теперь у него появились друзья, вот только он скрывал это от него. Неужели это и есть подростковый бунт?

— Я не говорил, потому что они — ёкаи, а люди ведь боятся ёкаев, — Ибараки все же объяснил причину, опасаясь, что Чу Чжоу его прогонит. — Я боялся, что ты узнаешь и бросишь меня.

Тень дерева у дороги качнулась, словно подбадривая его.

— Ни за что, — Чу Чжоу серьезно посмотрел на него. — Разве ты не самый сильный среди них? Если я не боюсь тебя, с чего бы мне бояться других?

Ибараки смутился от его пристального взгляда и отвел глаза.

— Брат правда так думает? Тогда я обязательно стану самым могущественным ёкаем в мире.

Чу Чжоу улыбнулся:

— Верю.

Разговаривая, они поднялись на вершину.

В бледном свете луны храм виднелся лишь как смутный черный силуэт, похожий на некое огромное чудовище.

Чу Чжоу только собрался подумать, как развести огонь в такой глуши, как Ибараки поднял руку, и из соседнего дерева с треском вырвался сгусток пламени.

Чу Чжоу: ...Откуда здесь взялся фонарный дух?

Они вошли в главный зал, и прежде чем Чу Чжоу успел осмотреться, фонарный дух поспешно заскочил обратно:

— И-Ибараки-додзи, я, пожалуй, пойду.

— Постой, — Ибараки остановил его, зажег от его огня костер и, не обращая внимания на то, как испуганно потускнел свет духа, бесстрастно приказал: — Приведи еще фонарных духов.

— И-и... слушаюсь, господин. — Издав странный писк, фонарный дух поспешил прочь.

Чу Чжоу с любопытством наблюдал за Ибараки — он никогда раньше не видел его таким.

Ибараки неловко кашлянул и отвернулся, его мочки ушей слегка покраснели.

— Б-брат, я пойду добуду чего-нибудь поесть.

Он развернулся и ушел, а услышав тихий смешок за спиной, прибавил шаг.

Вскоре после того, как Ибараки ушел, прилетела целая стайка фонарных духов. Чу Чжоу наблюдал, как они тихо расселись по углам, лишь изредка слышалось гулкое потрескивание пламени.

Благодаря их свету и разгоревшемуся костру, храм наконец предстал во всей красе.

По обе стороны от входа расположились колокольня и барабанная башня, рядом — кельи и трапезная. Деревянные столбы зданий давно обветшали, кора местами облупилась. Главный зал, в котором он находился, был завален пылью и паутиной, статуя Будды оказалась повреждена, а росписи на стенах — выцветшими и неразборчивыми.

Чу Чжоу сидел у огня, дожидаясь Ибараки, когда из угла слышались шорохи.

— Мы правда собираемся... собираемся сразиться с ним?

— Итаро, это ты сказал, что если бросить ему вызов, можно стать великим! Хотя мне кажется, мы его точно не победим.

— Глупый Сантаро! У нас есть фамильный непобедимый прием — слияние братьев!

— По сути, это просто езда на шее, к тому же почему я всегда внизу?

— Сантаро, у нас все получится!

— Эй, не игнорируйте меня!

Чу Чжоу подошел и увидел три пары глаз, торчащих из-под кучи одежды. Он поднял ткань, обнаружив под ней трех братьев-камэйтати.

— О-о, беда, нас заметили.

— Итаро, кажется, это человек.

— Ой, правда. Хорошо, что это не тот великий ёкай. Дзитаро, успокойся, не дергайся!

— Тогда поменяйте меня местами!

Чу Чжоу посмотрел на камэйтати, сидящих друг на друге, и с усмешкой спросил:

— Вы пришли искать Ибараки?

— Кажется, его так зовут, — растерянно ответил старший, Итаро.

— Тогда ждите здесь. — Чу Чжоу, прихватив одежду с братьями, вернулся к костру.

— Дзитаро, быстрее!

— Эй, ну хоть немного подумайте о смене позиций! — проворчал средний брат, неся на себе остальных.

— Можете сказать, почему вы ищете именно Ибараки? — спросил Чу Чжоу.

Итаро гордо выпятил грудь:

— Потому что мы хотим стать великими! А для этого нужно искать сильных ёкаев.

— Ибараки... он такой сильный?

— Все ёкаи на горе боятся его, значит, он точно сильный.

— Вот как... — Чу Чжоу задумался. Ибараки был одержим силой, да и в легендах, которые он читал перед заданием, всегда подчеркивалась его мощь. Может, стать сильнейшим и есть его заветное желание? Если так, то, может, он уже исполнил его?

Чу Чжоу вздохнул. Задание требовало исполнить самое сокровенное желание, причем игрок должен был участвовать в процессе — если цель достигала всего сама, это не засчитывалось. Если желание Ибараки уже сбылось, то участвовал ли он в этом?

Когда Ибараки вернулся с двумя разделанными кроликами, он бросил взгляд на камэйтати, которые от страха забились в угол, и проигнорировал их.

Чу Чжоу украдкой улыбнулся, глядя, как Ибараки привычно делает невозмутимое лицо перед другими ёкаями, но подшучивать не стал:

— Мы будем есть это?

— Да.

Ибараки сел рядом, насадил мясо на палки и принялся старательно переворачивать их над огнем.

— Твоя цель — стать самым сильным ёкаем? — вдруг спросил Чу Чжоу, глядя на пляшущие языки пламени.

Ибараки помедлил и ответил:

— Да.

С того момента, как люди бросили его, он жаждал обрести величайшую силу. Теперь он стал силен, но в отличие от того разрушительного желания, что было вначале, теперь он стремился к силе ради защиты, ради того, чтобы всегда быть рядом с братом.

Глаза Чу Чжоу блеснули, и он с похвалой в голосе произнес:

— Значит, ты теперь самый сильный ёкай в этих местах.

Ибараки не стал отрицать — местные ёкаи не шли ни в какое сравнение, многие боялись его еще с тех пор, как он был совсем маленьким.

— Кстати, я ведь раньше был оммёдзи, — полушутя-полусерьезно сказал Чу Чжоу. — Если бы мои способности сохранились, ты хотел бы стать моим сикигами?

— Брат! Ты никогда раньше об этом не говорил! — Ибараки укоризненно посмотрел на него.

Постой, это не главное.

— Я не хотел вспоминать о прошлом, — успокоил его Чу Чжоу. — Когда я с тобой, я могу думать только о будущем.

— П-правда? — уши Ибараки мгновенно покраснели.

Чу Чжоу улыбнулся:

— Конечно. Так что, если можешь, хочешь стать моим сикигами?

— Если это ты, брат, то, конечно, хочу.

Ничего не произошло. Перед глазами по-прежнему плясал лишь огонь.

Задание не выполнено. Желание Ибараки еще не сбылось.

— Брат, держи. — Ибараки оторвал кусок готового мяса и протянул Чу Чжоу, глядя на него сияющими глазами.

Чу Чжоу попробовал — хоть без приправ, но вполне съедобно. Сделав пару укусов, он оторвал кусок и сунул его в рот Ибараки:

— Ешь давай.

— М-м!

Братья-камэйтати в углу, почуяв аромат, начали потихоньку подползать, пуская слюни на жареного кролика. Ибараки с бесстрастным лицом взглянул на них и бросил кусок мяса — братья с радостным криком набросились на еду.

К тому времени, как они закончили, наступила глубокая ночь. Камэйтати поблагодарили их и убежали. Ибараки убрал остатки еды, расстелил одежду на другом конце кострища и с

ожиданием позвал:

— Брат, давай спать.

Чу Чжоу лег рядом. Они лежали так близко, что чувствовали тепло друг друга. Чу Чжоу со сложными чувствами смотрел на быстро засыпающего Ибараки, а затем тоже закрыл глаза.

Если он не поймет, в чем именно его желание, задание будет провалено.

21. Имя

Жизнь на горе была для Чу Чжоу монотонной и скучной. Никаких развлечений: он спал, гулял, практиковался в каллиграфии — бумагу и тушь Ибараки принес из кабинета старосты, до которых сельчане еще не добрались.

Единственным развлечением были ёкаи. Слушая их истории, он понимал, что их радости и печали ничем не отличаются от человеческих.

Время шло, и вот наступил июнь следующего года.

Хотя Чу Чжоу плохо разбирался в силе ёкаев, он видел, что Ибараки становится все сильнее, но вместе с тем — все молчаливее.

Неизвестно когда, но Ибараки стал невероятно холодным. Больше не ластился, а в последнее время даже перестал называть его братом.

Теперь они почти не общались. Каждый раз, когда Чу Чжоу пытался поговорить, Ибараки избегал разговора. Ему оставалось лишь с тяжелым сердцем утешать себя мыслью, что это такой запоздалый пубертат.

Цветы благоухали, лето было в самом разгаре, и при каждом порыве ветра с деревьев осыпались лепестки.

Тануки, пришедший сюда недавно, лежал под деревом, прикладываясь к бутылки с саке. Чу Чжоу с любопытством спросил:

— Почему ты пришел сюда?

— Ик... — Тануки издал долгую отрывку и пьяно вспомнил: — Я... случайно упал, опрокинул свечу и устроил пожар. Я не хотел, но из-за меня моего друга выгнали.

Тануки выглядел очень виноватым.

— Я так испугался, и... я такой трус, что просто сбежал сюда. — В конце голос его совсем стих.

— А что стало с твоим другом? — тихо спросил Чу Чжоу.

— Я... я не знаю. Я виноват перед ним, — Тануки сделал еще глоток. — Я не смею показаться ему на глаза.

Не смеет встретиться из-за чувства вины?

Чу Чжоу смахнул лепестки с плеча и подбодрил:

— Если действительно чувствуешь вину, иди и искренне извинись. Только так можно получить прощение.

Тануки замер с бутылкой в руке. Он опустил голову, раздумывая, а затем нерешительно спросил:

— Неужели... правда простят?

— Если не попробуешь, то точно потеряешь друга.

Тануки встал, сжал кулаки и решительно произнес:

— Я уже научился принимать человеческий облик. Если я стану пышной красавицей, какой он любит, и буду торговать вином на рынке, то точно его встречу.

— А? — Чу Чжоу не совсем понял логику.

— Я уже припас кучу шуток, чтобы рассказать ему! — Тануки внезапно воодушевился и с благодарностью посмотрел на Чу Чжоу. — Спасибо, я сейчас же отправлюсь на поиски.

Чу Чжоу проводил его взглядом. Появился Баку, который пришел сюда вместе с Тануки. Глядя вслед уходящему, он прошептал:

— В снах этого парня — сплошная печаль и боль.

— Ты... правда чувствуешь эмоции людей, когда они спят? — Чу Чжоу вспомнил биографии ёкаев: Баку, пожирая сны, впитывает чувства сновидца.

Он замялся и спросил:

— А ты знаешь, какие эмоции во снах у Ибараки?

— Господин Ибараки... его сила слишком велика, я не смею прикасаться к его снам, — с сожалением ответил Баку. — Такой мощный ёкай — его сны наверняка очень вкусные. Но недавно я на мгновение почувствовал его состояние — кажется, это были паника и досада?

Баку ушел, оставив Чу Чжоу размышлять под деревом: отчего Ибараки может паниковать?

Под деревом спал Ибараки. Черные волосы, бледное лицо... Розовый лепесток упал ему на ресницы, заставив их слегка дрогнуть.

Ибараки подошел, не сводя глаз с Чу Чжоу. Когда лепесток опустился на щеку спящего, он протянул руку, чтобы смахнуть его, но случайно коснулся мягких губ. Он осторожно погладил их, задержав палец на месте.

Когда Чу Чжоу проснулся, он почувствовал что-то на губах и машинально облизнулся. Палец тут же исчез.

Он открыл глаза и увидел, что Ибараки разворачивается, чтобы уйти, спрятав руки за спину.

Лицо его было красным.

— Постой! — Чу Чжоу схватил его за край одежды и встал. В этот раз он не упустит возможности поговорить.

Ибараки остановился, бросил на него взгляд и опустил глаза:

— У меня дела.

— О? Какие же? — Чу Чжоу прищурился.

— ... — Ибараки не нашел оправдания. — У меня дела.

— Ха, — Чу Чжоу едва не рассмеялся от злости. Он отпустил его, подошел вплотную и, подняв голову, пристально посмотрел в глаза. — Тогда скажи, что произошло пару дней назад?

Зрачки Ибараки на мгновение расширились, но быстро пришли в норму. Глядя в сосредоточенный взгляд Чу Чжоу, он почувствовал горечь.

Как он может сказать, что у него появились неподобающие мысли о собственном брате?

Как сказать, что когда он видел его обнаженным в своих снах, то испытывал такую панику и одновременно тайное возбуждение? С тех пор каждую ночь в его снах появлялся этот образ, и они были неразлучны, как влюбленные.

Но проснувшись, он мог лишь подавлять свои желания, держаться на расстоянии, украдкой наблюдая за ним. Он даже боялся просить ласки, боясь выдать себя.

Он чувствовал вину за осквернение брата и одновременно мучился от страстного желания к нему.

Брат любит его как младшего.

А он... он не хочет быть просто младшим.

Видя, что Ибараки молчит, лишь глядя на него с затаенной печалью, Чу Чжоу разозлился и в то же время почувствовал бессилие. Он видел, что Ибараки по-прежнему нуждается в нем, но не понимал, почему тот отстраняется.

Времени на задание оставалось мало, а Ибараки упрямылся. Чу Чжоу вздохнул, взял лицо Ибараки в ладони и с силой сжал, отчего черты лица исказились. Только тогда он успокоился и тихо произнес:

— Если что-то гложет — обязательно говори.

Ибараки помедлил и кивнул.

Чу Чжоу решился спросить:

— У тебя есть какое-нибудь желание?

Ибараки колебался, но в итоге выбрал другой способ выразить свои мысли:

— Хочу, чтобы ты... всегда был со мной.

Выражение лица Чу Чжоу не изменилось, он улыбнулся и пообещал.

Но внутри у него все оборвалось. Он всегда игнорировал эту тему, думая, что это просто детские капризы, и не ожидал, что Ибараки запомнит это навсегда. В такой момент нет смысла лгать. Если это действительно самое сокровенное желание, то как выполнить задание?

Всегда — это так долго. Задание истечет раньше, чем это желание исполнится.

У него совсем не было времени. Чу Чжоу нервно закусил губу. Есть ли другой выход?

Голос Ибараки прервал его мысли:

— Брат, я... можно мне называть тебя по имени?

— А? — Чу Чжоу растерянно посмотрел на него. Почему по имени?

Ибараки не стал ждать ответа. Робко, осторожно, по слогам он произнес имя, которое до этого шептал только во сне:

— Чу Чжоу.

Раз брат пообещал быть с ним вечно, может, он сможет его полюбить?

Чу Чжоу было странно слышать свое имя из уст Ибараки, но препятствовать он не стал:

— М-м.

— Чу Чжоу.

— ...М-м.

— Чу Чжоу.

— ...М-м, хватит.

Чу Чжоу, Чу Чжоу, Чу Чжоу...

Ибараки непрерывно повторял это имя про себя, глядя на покорное лицо брата, и внутри разливалось такое нежное чувство, что казалось, оно вот-вот выплеснется наружу.

Как же хорошо.

Любить этого человека — так хорошо.

Такой прекрасный, нежный, самый любимый брат... Как же здорово, что они встретились.

22. Болезнь

Небо было высоким и чистым, дикие гуси летели на юг, словно поднятая ветром пыль. Лист, кружась, оторвался от ветки и медленно опустился к корням.

Один лист упал — и пришла осень.

После того разговора Чу Чжоу почувствовал, что отношение Ибараки изменилось. Хотя слов по-прежнему было мало, он стал проводить рядом с ним гораздо больше времени. Чу Чжоу постоянно чувствовал на себе его взгляд, а когда оборачивался, видел лишь спокойный профиль Ибараки, смотрящий в небо. Стало больше физического контакта: Ибараки больше не ластился, но постоянно хотел обнимать его или прислоняться.

Все это казалось странным.

Чу Чжоу задумался, вертя в руках изящный серп.

Братья-камэйтати резвились рядом, и один из них случайно врезался в него. Маленький серп тут же порезал палец.

Чу Чжоу тихо шикнул, на кончике пальца выступила капля крови. Неужели чем меньше рана, тем сильнее боль? Он стер кровь — на пальце осталась неглубокая царапина.

Успокоив извиняющегося Итаро и проводив маленьких ёкаев, он увидел приближающегося Ибараки.

Поднялся легкий ветерок, солнце уже садилось.

Белые волосы Ибараки развевались на ветру, на лбу виднелись небольшие рожки, ставшие символом его возросшей силы. Лицо оставалось бесстрастным, но в золотисто-красных глазах сквозила мягкость.

Чу Чжоу вдруг нахлынули чувства: тот маленький комочек, что был когда-то, теперь стал мужчиной выше него самого.

Ибараки, поймав его взгляд, почувствовал, как сердце бешено заколотилось — казалось, он разучился ходить. Едва добравшись до входа, он заметил, что лицо Чу Чжоу покраснело, а взгляд стал рассеянным. Ибараки нахмурился, коснулся лба брата — тот был горячим.

<http://bllate.org/book/22423/2354270>